

А.С. КОЗИНЦЕВ*

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НА МУСУЛЬМАНСКОМ ЗАПАДЕ

Рецензия на книгу: *Hill J.N.C. Democratization in the Maghreb.* –
Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2018. – 218 p.

Рост нестабильности в странах Ближнего Востока и Северной Африки, получивший название «арабской весны», оживил дискуссии о путях демократического транзита: произошедшие в регионе изменения продемонстрировали не только слабость институциональных механизмов разрешения конфликтов (Ливия, Сирия, Йемен), но и успешную адаптацию современных авторитарных режимов (Алжир, Тунис, Марокко) [см.: Кудряшова, 2012]. Новые эмпирические материалы позволяют исследователям проверить пределы применимости концепций электорального авторитаризма и неопатримониализма, углубить анализ роли политических институтов в условиях автократии, вписать развитие отдельных арабских стран в общую логику режимных трансформаций. Исследовательских сюжетов в этой области немало. Как связана устойчивость режима с траекториями его эволюции? Какой этап является «точкой невозврата»? Каковы структурные предпосылки изменений? Можно ли считать процессы, происходящие в регионе, демократизацией? Как эти процессы вписываются в мировую политико-институциональную динамику? Актуаль-

---

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Kozintsev Alexander, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

ная арабская проблематика привлекла внимание и профессора международных отношений Королевского колледжа Лондона Джонатана Хилла.

В книге «Демократизация в странах Магриба¹» Хилл ставит целью выявить и контекстуализировать траектории трансформации политических режимов стран Северной Африки. Отправной точкой его работы стал тезис, что большинство исследователей региона были слишком увлечены анализом общих характеристик стран Магриба и не уделяли достаточного внимания различиям. Для самого Хилла парадокс «арабской весны» состоит в сочетании единого географического охвата и синхронности происходящих процессов на региональном уровне с совершенно не похожими друг на друга изменениями в отдельных политиях. Другими словами, он пытается ответить на вопрос, почему события 2011 г. имели разные результаты в Тунисе, Алжире, Марокко и Мавритании. Для этого ученый анализирует новейшую историю этих стран, характер связей с международными акторами и управленческие решения. Утверждается, что за исключением Туниса, где демократизация произошла, остальные режимы адаптировались к социальным изменениям и остались авторитарными.

Структурно монография состоит из двух частей. В первой части (введение и первая глава) автор определяет план исследования и единую для всех страновых случаев концептуальную рамку, проводит операционализацию переменных. Вторая часть включает в себя четыре главы (анализ случаев) и завершается выделением общих закономерностей политических изменений в странах Магриба.

В качестве теоретической рамки исследования Хилл выбирает концепцию «соревновательного авторитаризма» Стивена Левицки и Люкана Уэя [Levitsky, Way, 2010]. Авторы концепции пытаются ответить на вопрос, почему после завершения существования СССР одни режимы успешно прошли процесс демократизации, а другие потерпели неудачу. Они утверждают, что история отношений с Западом, географическая близость к нему, экономическое сотрудничество, а также наличие у демократических государств разнообразных инструментов влияния подталкивают автократов к проведению демократических реформ и повы-

---

¹ Магриб в переводе с арабского означает «запад», «место, где заходит солнце».

шают издержки злоупотребления полномочиями. Даже хорошо организованные авторитарные режимы при существовании прочных связей с западными странами вынуждены склоняться к демократизации.

Хилл справедливо отмечает, что работа Левицки и Уэя обходит вниманием регион Ближнего Востока и Северной Африки, вынося его за рамки «волн демократизации». Он стремится преодолеть это упущение, утверждая, что разработанная теоретическая модель применима и к анализу траекторий режимных изменений арабских стран в постбиполярную эпоху. Для обоснования этого тезиса автор монографии относит рассматриваемые режимы к «соревновательному авторитаризму», для которого, как отмечают Левицки и Уэй, характерна гибридность: демократические институты функционируют, но инкубенты систематически злоупотребляют полномочиями с целью сохранения власти. Так, выборы могут проводиться регулярно и с участием различных партий и кандидатов, однако оппозиция не обладает достаточными для победы ресурсами, а барьеры участия запретительно высоки. Подобные выборы, как показывает Хилл на примере Туниса, нужны для получения информации о настроениях избирателей и легитимации режима на международной арене. В Алжире такие выборы направлены на дробление оппозиции и сохранение лояльности режиму.

Характеризуя необходимые для качественного анализа казусов переменные, исследователь выделяет внешние и внутренние факторы, формирующие траекторию изменений. Среди внешних факторов называются *связи (linkage)* рассматриваемой страны с Западом и его способность оказать *влияние (leverage)* на нее. Связи определяются как *интенсивность взаимозависимостей* в экономической, межправительственной, технократической, социальной, информационной и гражданской сферах, а также как *уровень трансграничных потоков* капитала, товаров, услуг, рабочей силы и информации между страной и США / ЕС или западным многосторонним институтом. Чем интенсивнее связи, тем быстрее происходит диффузия социальных норм и рост количества групп интересов, которые вынуждают автократа вступить на путь демократизации.

Инструменты влияния рассматриваются в двух измерениях. С одной стороны, это *способность и желание* Запада совершить действия, прямым следствием которых станут политические изме-

нения. С другой – готовность авторитарного режима к *внутренней мобилизации* для противодействия давлению. Эффективность инструментов влияния находится в зависимости от размера экономики страны, наличия у нее в качестве союзника «черного рыцаря», т.е. мощного государства-спонсора (прежде всего России или Китая), и степени координации действий Запада. К внутренним факторам, оказывающим воздействие на трансформацию, относится *организационная структура* режима, т.е. ресурсы, которыми обладает и может воспользоваться автократ для сохранения власти. Структура режима складывается из эффективности аппарата принуждения (применение насилия) и согласованности партийной организации (купирование насилия).

Таким образом, в этой модели значимое влияние оказывают три переменные: степень связи с западными странами, способность последних оказать влияние на происходящие процессы и организационные ресурсы авторитарного режима. В зависимости от значимости влияния на режим переменным присваиваются значения – *высокая, средняя и низкая* интенсивность. Если интенсивность связей высокая, а инструменты влияния разнообразны, то независимо от структурной устойчивости режимная трансформация предопределена. Если интенсивность связей низкая, а влияние высокое, то давление на режим со стороны демократических стран хотя и ощутимо, но непоследовательно. Наконец, если интенсивность связей и влияния Запада низкое, то политическая трансформация детерминирована внутренними факторами, т.е. совокупностью элементов организационной структуры режима.

При анализе страновых казусов Хилл сквозь теоретическую призму Левицки и Уэя выявляет различия траекторий в Тунисе, Алжире, Марокко и Мавритании. Так, анализ траекторий Туниса и Марокко подтверждает тезис о прямом влиянии Запада на политические изменения. Однако в Тунисе, где состоялся транзит к демократии, в течение 25 лет у власти находился бессменный лидер Бен Али. Автор монографии отмечает сложность интерпретации этого казуса и подчеркивает, что, учитывая высокую интенсивность связей страны с Западом и наличие мощных рычагов влияния у западных стран, трансформация режима должна была произойти гораздо раньше. С его точки зрения, причина запаздывания изменений в том, что Бен Али поддерживал «демократический фа-

сад» политических институтов и создавал для западных элит «модернизационный нарратив».

Еще одна причина устойчивости тунисского режима кроется, по мнению британского ученого, в нерешительности и несогласованности действий демократических стран. Нерешительность была вызвана опасением роста террористической и экстремистской угрозы в случае дестабилизации. Несогласованность действий стала результатом расхождения национальных интересов не только ЕС и США, но и отдельных европейских стран по линии «Юг – Север». Однако распространение демократических норм все-таки произошло: экономика Туниса оказалась слишком мала, а историческая и географическая близость Европы слишком значима. Именно их распространение в конечном итоге способствовало политической трансформации. В итоге Хилл приходит к заключению, что в случае Туниса ведущую роль сыграл внутренний организационный дисбаланс самого режима.

Характеристики переменных сближают с Тунисом Марокко. Марокканский режим поддерживает связи высокой интенсивности с западными странами, обладает высокой организационной устойчивостью. Как и в случае с Тунисом, внешнее давление к демократизации на него практически не оказывалось. Объясняется это стратегическим значением страны во внешней политике США и ЕС и нежеланием нарушать сложившееся равновесие. Тогда почему «арабская весна» привела к изменениям в Тунисе, но не затронула Марокко? Хилл находит ответ на этот вопрос в «неэлекторальной природе» авторитарного режима при высокой заинтересованности монарха в проведении выборов и партийном строительстве. Вместо того чтобы пойти по пути Бен Али и создать одну партию¹, которая концентрировала бы все полномочия, Мухаммад VI распределил властные ресурсы между большим количеством партий – как проправительственных, так и оппозиционных. Это позволило избежать чрезмерного усиления какой-либо группы интересов и ее возможного давления на монарха. Более того, политические силы страны убеждены в том, что партийная конкуренция необходима для получения доступа к ресурсам.

---

¹ С 1988 по 2011 г. «партией власти» в Тунисе являлось «Демократическое конституционное объединение», основанное на базе Социалистической дустуровской партии после прихода к власти Бен Али.

В этом контексте Мухаммад VI воспринимается как независимый арбитр, гарантирующий соблюдение установленных правил и функционирование института выборов. Так, во время «арабской весны» монарх пошел на отмену статьи 24 Конституции 1996 г., позволявшей ему самостоятельно формировать кабинет и назначать премьер-министра, и выступил за то, чтобы правительство формировала победившая на выборах партии (статья 47 Конституции 2011 г.). Более того, теперь перед отстранением министра от должности монарх должен провести консультации с премьер-министром. Подобные конституционные изменения не только помогли смягчить протесты, но и продемонстрировали союзникам монарха, прежде всего США, что правящий режим готов учитывать требования граждан. Необходимый эффект был достигнут, хотя Мухаммад VI остался главным актором марокканской политической жизни.

Вместе с тем внимательный читатель отметит, что Левицки и Уэй при отборе казусов для своей модели намеренно исключили Марокко из анализа. По их мнению, монархии обладают иной динамикой режимных изменений. Это связано прежде всего с тем, что такие режимы не являются выборными. Хилл стремится опровергнуть данный тезис, указывая, с одной стороны, на значительную роль электорального процесса для обеспечения авторитарной стабильности, а с другой – на высокую важность этого механизма при распределении полномочий среди борющихся друг с другом фракций. Таким образом, исследователь распространяет модель Левицки и Уэя на государства с монархической формой правления.

Алжир и Мавритания гораздо успешнее вписываются в модель Хилла. Алжир, как и его монархический сосед, продемонстрировал высокие способности к адаптации. Этот режим, несмотря на физическую слабость своего лидера¹, обладает мощным организационным ресурсом, который представлен диверсифицированным аппаратом принуждения, включающим опытные силовые структуры. Костяк режима формируют выходцы из армии и приближенные лидера. Имеют значение также историческое бремя Алжира (колониальное прошлое и война за независимость) и кри-

---

¹ Нынешний президент Алжира Абдель Азиз Бутефлика родился в 1937 г. В 2014 г., баллотируясь на четвертый срок, он практически не появлялся на публике и делегировал ведение избирательной кампании помощникам, однако победил на выборах в первом туре, получив более 80% голосов избирателей.

зис 1999 г., в ходе которого Бутефлика, поддержанный алжирцами на референдуме, пришел к власти.

В ходе «арабской весны» режим пошел на частичные уступки протестующим и отменил чрезвычайное положение, действовавшее в течение 19 лет. В стране облегчили деятельность оппозиционных партий, была утверждена социально-экономическая программа по созданию рабочих мест. Учитывая способность режима к адаптации, Хилл формулирует следующий вопрос: почему западные страны не оказали достаточного давления в ходе переизбрания президента в 2014 г.? Ответ в данном случае полностью согласуется с предложенными теоретическими построениями: у Запада не было достаточных рычагов давления, а связи с ним характеризовались средней интенсивностью. Европейские соседи Алжира оказались более заинтересованы в сотрудничестве с режимом в целях пресечения деятельности «Аль-Каиды», действующей на территории страны. Не менее важным был вопрос о стабилизации газовых поставок на мировой энергетический рынок, особенно с учетом ливийского кризиса. Связи с Западом, выражавшиеся в воспоминаниях о колониальном наследии, активно эксплуатировались официальными властями, рождая у части алжирцев resentment. В конце концов у граждан страны не оказалось яркой демократической альтернативы, которая при этом была бы поддержана странами Запада.

Казус Мавритании, которая часто остается на обочине исследований, полностью согласуется с динамикой изменений по модели Левицки и Уэя. После отстранения от должности президента Муавийа ат-Тайи в 2005 г. в стране прошли демократические реформы, которые стали приятной неожиданностью для стран Запада. Президентские выборы 2008 г. оказались наиболее транспарентными за всю историю существования государства. Однако после 2009 г. демократический импульс угас, и начался возврат к авторитаризму. Хилл объясняет подобную динамику средней интенсивностью связей и инструментов влияния США и ЕС на Мавританию при низком организационном ресурсе страны. Эта характеристика позволяет понять «маятникообразную траекторию» политических изменений. Более того, запуск этапа преобразований произошел по мавританской инициативе. Они угасли, как только режим понял, что США и ЕС не будут последовательны в укреплении зарождающихся демократических институтов.

В заключение Хилл кратко характеризует результаты режимных трансформаций, группируя их согласно концептуальной схеме Левицки и Уэя. Теоретической новацией стало, без сомнения, ее применение к странам Северной Африки. Какие значимые результаты принес новый ракурс анализа? Случай Алжира продемонстрировал, что историко-географическая близость, «общий опыт сосуществования» с демократическими странами может стать препятствием на пути политической трансформации и сместить акцент в сторону защиты суверенитета и особого пути развития страны. Анализ марокканского казуса показал, что модель может быть релевантна и для монархий. Хотя власть Мухаммада VI надежно защищена от «скачков и поворотов» электорального процесса, эволюция подобных режимов находится в зависимости от результатов выборов. Более того, сравнительное исследование дает возможность выстроить шкалу зависимости лидеров от партий. В этом контексте наиболее независимым окажется Мухаммад VI, следом за ним расположатся Бутефлика (Алжир) и Абдель Азиз (Мавритания). В заслугу автору монографии можно поставить удачную попытку совмещения элементов структурного и процедурного подходов к режимным изменениям, что позволяет учитывать контекст при анализе потенциала акторов (о структурном и процедурном подходах при анализе режимных изменений см.: [Харитоновна, 2017, с. 387–388]).

Анализ организационных ресурсов авторитарных режимов Северной Африки не подтвердил содержащееся в концепции положение о неизбежности политической трансформации при высокой интенсивности внешних факторов. Оказалось, что внешняя и внутренняя среды находятся в нелинейной зависимости и, следовательно, значимость параметров в каждом случае должна определяться особо. Также важным для Хилла результатом, который характерен для всех случаев, стало очевидное нежелание западных государств напрямую влиять на происходящие в Северной Африке процессы. Даже при наличии необходимых рычагов давления и прочных связей США и страны ЕС оказываются либо не заинтересованы в происходящих изменениях, либо не едины при выработке общей стратегии. Этот вывод помогает понять причины расширения спектра участников внутригосударственных конфликтов, а также рост влияния региональных держав на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Список литературы

- Кудряшова И.В.* Режимные трансформации на современном Арабском Востоке // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 149–167.
- Харитонова О.Г.* Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – Т. 19, № 4. – С. 379–391.
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism. Hybrid regimes after the cold war. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 537 p.